

— Г-н Лакотт, вы любите восстанавливать старинные балеты, а предметы старины любите собирать?

— Да, у меня дома настоящий музей. Это личные вещи великих артистов прошлого, а также письма, дневниковые записи Жюльетты Перро, Артура Сен-Леона... У меня хранится брачное свидетельство Марии Тальони и ее первый контракт, заключенный с конторой императорских театров в Санкт-Петербурге.

— Легендарные артисты прошлого случайно не являются вам по ночам?

— В мыслях я постоянно обращаюсь к прошлому. Мне кажется, я даже живу там. Я так много и тщательно изучал творчество Марии Тальони, что сейчас мне кажется, что она мой близкий друг. Это была необыкновенная, удивительная женщина. Меня поражают ее доброта и доброжелательность. У Тальони была ученица — Эмма Леври. Когда она в первый раз танцевала в балете "Сильфида", где блистала сама Тальони, Эмме за кулисы принесли от Тальони цветы, в которые была вложена записка. А в записке — потрясающие слова: "Танцуйте так же прекрасно и дальше, позвольте всем забыть меня, но только вы меня не забывайте".

— Жан Кокто называл людей искусства "священными чудовищами". Вы много общались с Рудольфом Нуреевым. Был ли он чудовищем?

— Да, он был чудовищем, но священным. Кстати, когда Нуреев стал художественным руководителем Гранд-опера, то обратился ко мне с просьбой восстановить "Дочь фараона" для нее. Проект осуществлен не был, но забавно, что он думал об этом.

— У вас бывали с ним конфликты?

— Конечно, у него был невыносимый, тяжелый характер. Но ему надо было давать отпор, к тому же я тоже не ангел. Как только его начинало "заносить", я ему сразу же говорил: "Рудольф, стоп". Но если он был прав, я соглашался с его мнением или идеей. Главное — он безумно любил работать. Рудольф очень хотел танцевать "Сильфиду", которую я поставил в Гранд-опера. Он грешил об этом балете. И я сказал ему: "Хорошо, ты будешь танцевать, но при условии: ты полностью разучиваешь балет со мною в течение месяца, чтобы не было такого — сегодня ты здесь, а завтра в Лондоне или Нью-Йорке, и никаких изменений ни в танце, ни в костюмах". Он согласился. Сначала он танцевал "Сильфиду" в Гранд-опера вместе с моей женой Гиллен Тесмар, потом танцевал в Римском оперном театре, а затем — в Нью-Йорке.

— И он ничего не изменил?

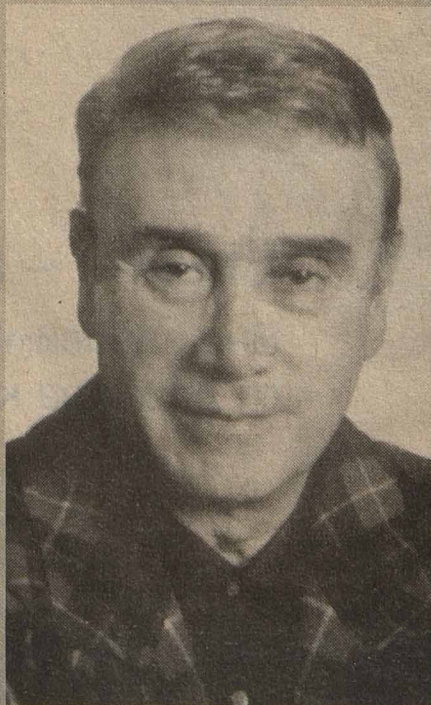
— Нет, ни одного движения, хотя был специалистом по части все менять и переставлять под себя. Затем, в Нью-Йорке, он спросил меня о моих планах. Я сказал, что Римская Опера обратилась ко мне поставить балет "Марко Спада". Рудольф заинтересовался, что это за балет. Я ему рассказал. И тогда он воскликнул: "Но ведь это балет для

Дочь фараона ПАКУЕТ ЧЕМОДАНЫ

ПЬЕР ЛАКОТТ: "КОГДА ТЫ СОСРЕДОТОЧЕН НА ЧЕМ-ТО, ЧТО ЛЮБИШЬ, ТО УДАЧА ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИДЕТ К ТЕБЕ".

Большой театр готовится к гастролям в Гранд-опера в Париже. Сенсацией

предстоящего вояжа должен стать балет "Дочь фараона", поставленный в 1862 году Мариусом Петипа, а три года назад воссозданный французским хореографом Пьером ЛАКОТТОМ специально для Большого. На днях г-н Лакотт приехал в Москву, чтобы нивести последний блеск на свою "Дочь". С хореографом встретился Владимир КОТЫХОВ.

АЛЕКСЕЙ БРАЖНИКОВ

меня, почему ты не предложишь мне его танцевать?!" Я ответил: "Потому что ты два дня не можешь находиться в одном городе — о каких репетициях может идти речь?..". На столе, за которым мы беседовали, лежала белая бумажная скатерть, и Рудольф сказал: "Если я сейчас на этой скатерти напишу, что никуда не буду отлучаться и распишусь, ты займешь меня в спектакле?" Я сказал: "Да". Он расписался на скатерти, а я позвонил в Рим и предупредил, что в "Марко Спада" будет танцевать Нуреев.

— Недавно французские парфюмеры воссоздали духи египетских фараонов. Потребовались годы, чтобы вывести заветную формулу. А как вы воссоздаете балеты, давно забытые, не идущие нигде, как "Дочь фараона"? По каким рецептам?

— Я использую собственные художественные и артистические знания. Мне в жизни очень повезло, поскольку моими педагогами были русские балетные артисты — Любовь Егорова, работавшая с Мариусом Петипа, прекрасно знавшая его стиль. Она дала мне возможность войти в ту эпоху. Я с девяти лет и до самой ее смерти близко общался с ней. У нее была великолепная память, а что касается "Дочери фараона", то она танцевала в этом балете. Она мне не показывала какие-то конкретные па, а много рассказывала о балете. Есть еще записи балетов Петипа, сделанные его ассистентом Николаем Сергеевым по системе Степанова. Их расшифровкой занялся американец г-н Фуллингтон, который прислал мне видеокассету с представленными на ней расшифрованными фрагментами "Дочери". Но, к несчастью, расшифровать удалось совсем немного танца — всего два небольших фрагмента продолжительностью около двух минут. Все остальное расшифровать было невозможно. В одном случае были описаны положения ног, а о руках не было ничего сказано. "Дочь фараона" записана была не очень хорошо. В Париже я знал одну муж-

скую вариацию, сделанную Горским, которую мне показал Волинин — партнер Павловой. Я ее использовал в балете. А в Петербурге мне показали вариацию Рамзеи из второго акта. Вот и все, что мне удалось найти, так что в действительности весь балет я сделал сам, но в стиле эпохи Петипа. Эскизы декораций и костюмов — тоже мои.

— При создании "Дочери" случались какие-то мистические или необычные события?

— Когда я приехал в Петербург, то попросил мне показать некоторые старинные документы. Мне принесли огромную коробку, покрытую вековой пылью, — к ней, наверное, никто не прикасался со времен Петипа. И первое, что я нашел в ней, — это фотографию Любови Егоровой в "Дочери фараона". Это был знак. Когда ты глубоко сосредоточен на чем-то, что ты любишь, то удача обязательно придет к тебе. Устанавливаются особые отношения с документами и с тем временем, к которому ты обращаешься. Я говорю себе: "То, что я поставил, — это все мое, но в то же время это "мое" абсолютно соответствует стилю и духу Мариуса Петипа".

— Кто из артистов Большого выступит в главных партиях "Дочери" во время гастролей в Париже?

— Это обожаемый мной Сергей Филин и совершенно фантастическая балерина Светлана Захарова, а также яркие, самобытные артисты Надежда Грачева, Николай Цискаридзе, Мария Александро, Руслан Скворцов... Вообще в труппе много талантливых артистов — Денис Медведев, Анастасия Горячева, Дмитрий Гуданов...

— И напоследок: расскажите какой-нибудь смешной эпизод из так любимого вами прошлого...

— Когда Мария Тальони покидала Россию, то на таможне к ней обратились с вопросом: "Мадам, а где ваши драгоценности?" Тальони приподняла юбки и сказала: "Вот мои драгоценности — мои ноги!"